

СУДЫ ДЛЯ КРЕСТЬЯН В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ПОРЯДОК ФОРМИРОВАНИЯ И КОМПЕТЕНЦИЯ

По реформе 1861 г., отменившей крепостное право, крестьяне, в том числе и на белорусской территории, превращались в полноправных граждан, и это означало, что теперь юридические споры между ними должны были решаться в общем порядке, т. е. в официальных судебных органах. Основным таким органом стал волостной суд, создававшийся как суд сословный: в нем судьи из крестьян должны были судить крестьян. Будучи выборным судебным крестьянским органом он предназначался для разбора мелких гражданских и уголовных дел.

Регулирование правовых отношений среди крестьян являлось основой разрешения споров и конфликтов в сельской местности. Существовало как бы два правовых поля в одном государстве. Их наличие отчетливо проявилось во второй половине XIX в., когда крестьяне получили личную свободу и стали полноправными гражданами. Большинство населения страны имело лишь косвенное отношение к официальным законам, отношения регулировали с помощью обычаев, и только меньшинство в полной мере подчинялось Своду Законов.

Отмена крепостного права и судебная реформа не ликвидировали правовую обособленность крестьян, но способствовали тому, чтобы в долгосрочной перспективе такая проблема была бы разрешена. То, что крестьяне широко использовали волостную юстицию для решения социальных вопросов, а суды обеспечивали эту потребность, являлось, на наш взгляд, одной из предпосылок формирования правового государства в Российской империи второй половины XIX — начала XX в.

Рождение доверия к правовой системе как к первоочередному средству «упорядочения взаимоотношений между людьми» требует немало времени и порой охватывает жизнь нескольких поколений [1, с. 288]. Таким образом, доверие к праву – результат исторического развития.

Доверительные отношения только начали формироваться в результате Великих реформ, когда стали происходить существенные изменения в общественном сознании, во взаимоотношениях подданных с государством, когда возникли предпосылки складывания гражданского общества, когда равенство всех граждан перед законом наконец-то стало получать реальное воплощение. Очевидно, что крестьяне, благодаря отмене крепостного права и судебным преобразованиям, прошли к началу XX в. путь от апатии и нежелания участвовать в организации сельской жизни до отстаивания своих прав в судебных органах.

Официальная позиция, выраженная юристами-реформаторами, исходила из разграничения формального, писаного, государственного права и неофициального, устного, традиционного крестьянского обычая. Поэтому ставилась задача утвердить писаное право среди крестьян. Для выполнения такой задачи создавались волостные суды – отдельная судебная система, предназначенная специально для крестьян.

Сельские жители могли теперь решать в местном суде свои мелкие споры. Это учреждение являлось одной из важных частей крестьянского самоуправления. Следует выделить два момента, во многом тормозящих полноту и глубину преобразований в сельской местности. Это недоверие со стороны государства и «образованного общества» к крестьянам, их органам самоуправления, их обычаям и традициям, организованному для них правосудию. И, в ответ, недоверие крестьян к государственным институтам, светской культуре, писаному праву и общей судебной системе.

Восприятие крестьян как не совсем полноценных граждан (притом, что это подавляющее большинство населения) имело давнюю традицию, и интеллигенция второй половины XIX в. продолжила ее. В значительной части она отрицательно относилась к деятельности государства (не без оснований). Результатом такого отношения и соответствующего поведения стало развитие правового нигилизма, что оказало деструктивное влияние на развитие правовой культуры. Увлеченная либеральными и социалистическими учениями интеллигенция, в том числе и формирующаяся белорусская, в целом отрицала конструктивную социальную роль государства. И это притом, что в результате реформ второй половины XIX в. все большее число членов общества постепенно включалось в рамки правовой системы.

Глубокое воздействие на граждан крестьянской и судебной реформ, которые проводило государство, не было поддержано интеллектуальными построениями, которые позволили бы сформировать устойчивую

позитивную перспективу изменений. Негативное, иногда пренебрежительное, отношение к волостным судам и крестьянам, демонстрируемое значительной частью элиты Российской империи, являлось примером удаленности от реальных живых людей и их поведения.

Сам по себе правовой нигилизм, получивший распространение в среде образованных слоев общества, для крестьян как раз не был характерен. Но здесь следует обязательно учесть, что они трактовали понятие «закон» очень широко, включая в него прежде всего понятный им правовой обычай и нормы морали.

Что касается недоверия крестьян к официальному праву, то в контексте указанной темы на нем можно остановиться более подробно. В качестве причин такого недоверия следует выделить сословную замкнутость крестьянства и существование глубокого, в том числе культурного, разрыва между сельским населением и остальной частью общества; затянувшееся на несколько столетий господство крепостного права, сформировавшего определенную личность и соответствующую ей психологию; низкий уровень правовой культуры и сопутствующие ему приниженный личный статус и юридическую безграмотность, когда даже образованные граждане в большинстве своем не были знакомы с нормами действующего права; конечно, это и недостатки в развитии государственной системы, в частности, отсутствие традиций последовательного разделения между административной и судебной властью; сложность и несовершенство самого законодательства. Добавим еще, что формализация и упорядочение институтов власти в Российской империи и на высшем, и особенно на местном уровне представляли серьезную и до конца нерешенную проблему. Очевидно, что и первое, и второе не были восприняты как должное даже в среде образованного населения, тем более крестьянами.

Именно волостные суды способствовали приобщению крестьян к существующему законодательству и сближению с образованной частью общества. Официально такой суд создавался в 1861 г., и его регламентация учитывала предшествующие законодательные наработки, относящиеся к организационным формам правосудия среди удельных и государственных крестьян на протяжении первой половины XIX в. Так, например, волостной суд строился на началах Сельского судебного устава 1839 г., и в этом смысле связан с реформой государственных крестьян графа П. Д. Киселева. Крестьяне, жившие на земле одного помещика, составляли сельское общество, а несколько смежных сельских обществ – волость (от 300 до 2000 ревизских душ) [8, с. 111].

На волостном уровне создавалось волостное управление, в которое входили: волостной сход, волостной старшина с волостным правлением, волостной суд [5, с. 52]. Последний формировался путем выборов.

Законодательные основы деятельности волостной юстиции были сформулированы в 18 статьях «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», обнародованного вместе с Манифестом и другими Положениями 19 февраля 1861 г. (ст. 93—110) [5, с. 57—60].

Следует сразу отметить, что крестьянские общины в Западном крае несколько отличались от общин центральной части империи: в них или не было, или с некоторыми ограничениями существовали общинное землевладение и круговая порука, а управление носило всесословный характер [3, с. 90]. Так, в Виленской, Минской и Гродненской губерниях преобладало подворное землевладение, а в Витебской и Могилевской – общинное [8, с. 23]. Крестьянское общественное управление в белорусских губерниях регулировалось на общих основаниях.

Волостной суд комплектовался путем ежегодного избрания волостным сходом от 4 до 12 очередных судей. Законом определялось, что присутствие суда должно состоять не менее чем из 3 судей, а избранные судьи могли отправлять свою должность либо бессменно в течение года, либо по очереди, заранее определенной сходом (Ст. 93).

Кандидатов на должность подбирало каждое селение. Староста или старшина составляли списки и предоставляли их на волостной сход. Судьями должны были быть преимущественно крестьяне-домохозяева (ст. 114). После избрания волостные судьи приносили присягу и приступали к выполнению своих обязанностей.

Выборное начало положительно сказывалось на качестве комплектования волостной юстиции. Как отмечал бобруйский уездный предводитель дворянства К. К. Стефанович, знающий работу крестьянских учреждений, что при выборах волостных судей крестьяне «все больше и больше приходят к сознанию о важности этой должности, ведающей часто весьма близкие и дорогие для них интересы, особенно по поземельным делам». Оттого, добавлял он, «состав их естественно все более улучшается» [7, с. 19].

Волостной суд находился в сложном положении. С одной стороны, он был выборным, формировался крестьянами независимо от помещиков и администрации, что со стороны государственных органов вызывало недоверие. С другой – волостной суд контролировался съездом мировых посредников, в своих решениях он должен был применять не

только обычай, но и действовавшее законодательство, что для крестьян становилось подозрительным [3, с. 128].

Назначение вознаграждения судьям предоставлялось на усмотрение волостного схода, что, конечно, не всегда имело место, так как расходы по выплате жалования ложились дополнительным бременем на крестьян. Например, К. К. Стефанович, характеризуя волостное управление в Западном крае, указывал, что судьям желательно назначать вознаграждение хотя бы на дни судебных заседаний, так как они являются на них за 20 и более верст от места жительства и бывают заняты по 2—3 дня [7, с. 19].

Судьи также на время службы освобождались от натуральных повинностей и телесного наказания (ст. 124).

Волостной суд собирался каждые две недели, преимущественно по воскресеньям, однако при необходимости волостной старшина мог созвать его и в другой день, и чаще (ст. 94).

Важной фигурой в волостном управлении был волостной писарь. На него возлагалось ведение на волостном уровне делопроизводства, в том числе и судебного.

Предусматривалось, что на эту должность лица определялись и по выбору, и по найму (ст. 113). Таким образом, это могли быть представители других сословий, что как раз и было чаще всего.

Не могли быть писарями лица, уволенные со службы, состоящие под судом и следствием, имеющие судимость и «вообще заведомого развратного поведения» (ст. 115).

По свидетельству К. К. Стефановича, в западных губерниях на практике на должность волостного писаря назначало уездное крестьянское учреждение, что являлось нарушением ст. 113 «Общего положения» [7, с. 20; 7, с. 60]. Годовой оклад писаря составлял около 300 руб. в год, при обеспечении жильем (2—3 комнаты) и приусадебным участком. Дополнительными льготами служили право на бесплатные разъезды по волости, наличие помощника и «участие в прибыли из запасного капитала». В силу такого достаточно высокого статуса «этой должностью дорожат занимающие ее, и всегда является много желающих из народных учителей, занимающихся в канцеляриях присутственных мест» [7, с. 20]. Компетенция волостного писаря очерчивалась очень широко: участие в разрешении дел волостными судами, знание местных обычаев, разъяснение законов, ведение учета по взысканию повинностей, формирование семейных и призывных списков, составление проектов сделок по переуступке земли и покупке через крестьянский банк, а также выдача

паспортов и ведение статистики, если для этого не было предусмотрено специальных органов. Такой круг обязанностей требовал от писаря «не только нравственных служебных качеств, письменных способностей и трудолюбия, но и известного знакомства с законами, служебной опытности, умения обращаться с крестьянами» [7, с. 21].

Процесс комплектования волостных судов отражал стремление государственной власти постепенно распространить действие официального права на крестьян. В таких судах заседали выборные судьи из числа крестьян, а решения выносились на основе действующего законодательства и местных обычаев.

Уже на этом уровне проводилось отделение судебной власти от остальных. Так, по ст. 104 «Общего положения» сельский староста и волостной старшина не имели права вмешиваться в деятельность волостного суда.

Все это привело к тому, что крестьяне приобрели возможность выступать в качестве граждан – «людей, участвующих в официальных процедурах своей страны, пользующихся ее институтами и рассматривающих юридические учреждения как средство защиты своих прав» [1, с. 294].

Волостные суды учреждались для всех категорий крестьян. Основная цель судебного разбирательства в них – примирение сторон с учетом как правовых, так и моральных норм.

К компетенции волостного суда относились «как споры и тяжбы между крестьянами, так и дела по маловажным их проступкам» (ст. 95) [5, с. 57]. Маловажные проступки были подсудны волостной юстиции, «когда оные совершены в пределах самой волости против лиц, принадлежащих к тому же состоянию, и без участия лиц других состояний, а также когда означенные проступки не находятся в связи в уголовными преступлениями, кои подлежат рассмотрению общих судебных мест» (ст. 101). Важным моментом здесь являлось сходство состояний, так как в противном случае подсудность определялась по желанию потерпевшего другого состояния. Примечание к данной статье закрепляло право лиц других сословий, против которых крестьянами совершены проступки, обращаться в волостной суд или общее судебное учреждение.

Окончательному решению подлежали все споры и тяжбы между крестьянами ценою до 100 руб. включительно (о недвижимом и движимом имуществе в пределах крестьянского надела, по займам, покупкам, продажам и всякого рода сделкам и обязательствам, а также дела по

возмещению ущерба и убытков, причиненных крестьянскому имуществу) (ст. 96).

Если речь шла о более высокой цене иска, внаемной недвижимости или об участии в тяжбе лиц других состояний, то по требованию одной из сторон дело следовало передать в суд общей юрисдикции. Если же стороны договаривались рассматривать такое дело в волостном суде, то его решение считалось окончательным (ст. 97—98).

Таким образом, в некоторых делах истцами выступали некрестьяне, и это значит, что представители иных сословий, заинтересованные в скором правосудии, вполне доверяли крестьянским судам. Как писал публицист того времени: «Должно, впрочем, отдать судам справедливость, что они одинаково строго наказывают воровство у помещика, как и воровство у крестьянина» [2, с. 12].

Волостному суду разрешалось рассматривать гражданские дела исходя из «местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту» (ст. 107).

Следует отметить, что в правовом сознании крестьян не существовало четкой границы между гражданскими и уголовными делами. Это обстоятельство выделяли еще современники-юристы. Так, А. Ф. Брандт, изучавший обычаи крестьян Могилевской губернии, писал: «Есть указания, из которых можно заключить, что в правосознании крестьян не проводится никакого различия между деяниями гражданскими и уголовными. Так, частные сделки между преступником и потерпевшим с целью оставления дела без судебного разбора встречаются не только при обидах, но и при нанесении сильных побоев, при искалечении и при изнасиловании. Выкуп по таким сделкам идет в пользу пострадавшего лица, если оно совершеннолетнее, в противном же случае в пользу отца или старшего брата. Если выкуп, вопреки уговору, не будет уплачен, то дело доходит до судебного разбирательства» [цит. по 4, с. 154—155].

Маловажные проступки, как деяния уголовного характера, также рассматривались волостными судами со своими особенностями: с учетом личных качеств обвиняемого и его общественного поведения, с широким использованием телесных наказаний. По таким проступкам могло быть назначено наказание в виде общественных работ до шести дней или денежного взыскания до трех руб., ареста до семи дней (ст. 102). Для крестьян допускалось телесное наказание — до 20 ударов розгами (ст. 102). «Общее положение» указывало дополнительные изъятия из телесного наказания: «престарелые крестьяне», достигшие 60 лет; должностные лица крестьянского общественного управления, беспороч-

но исполнявшие свои обязанности; крестьяне, окончившие курс в уездных училищах, земледельческих и равных с ними или в высших учебных заведениях (ст. 102, прим. 2). Таким образом, возраст, должность и образование ограничивали для крестьян применение болезненного и позорящего наказания, отмененного уже для других сословий.

Уголовное дело тоже понималось как оценка личности обвиняемого. И в таких делах широко применялось примирение. Волостная юстиция придерживалась традиционного крестьянского взгляда на преступление как на личную обиду, а наказание выносила в зависимости от степени причиненного ущерба, обстоятельств, при которых оно было совершено, и личных качеств участников процесса. Например, признавшийся в краже и прощенный потерпевшим мог получить от волостного суда только внушение, если он до этого случая имел хорошую репутацию [3, с. 129]. Важно учесть, что при оценке личности в расчет принималась регулярность и полнота уплаты податей. Так, в делах об оскорблениях за меру личной чести крестьянина часто принимался годовой оклад податей обиженного [3, с. 128]. Назначение меры наказания за каждый проступок предоставлялась на усмотрение самого суда.

Если мировое соглашение не могло быть достигнуто, дело решалось на основании имеющихся в волостном правлении сведений о соответствующих сделках и обязательствах, а при их отсутствии — «на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту» (ст. 107). Тем самым еще раз подчеркивалось то, что обычаи закреплялись как основа для решений внутренних проблем сельской жизни.

Судебные уставы 1864 г., так же как и «Общие положения», признавали значение обычая и крестьянской юстиции. В соответствии с одним из них — «Учреждением судебных установлений» — волостные суды сохранялись вне созданной судебной системы, предусмотренной для лиц всех сословий. В примечании к ст. 2 данного устава говорилось, что «судебная власть (...) крестьянских судов определяется особыми о них постановлениями» [6, с. 32].

Особая роль отводилась мировой юстиции. Мировые суды не являлись институтами традиционного общества, но они были максимально приближены к крестьянам, так как создавались в участках, на которые разбивался каждый уезд. Предполагалось, что в этой судебной инстанции крестьяне в большей степени будут приобщаться к официальному писаному праву и отвыкать от обычаев.

В Уставе уголовного судопроизводства отмечалось, что из компетенции мирового суда изымаются такие дела, «когда обвиняемые сельские

обыватели по закону подлежат ответственности пред их собственными судами» (ст. 34, п. 3).

Крестьяне обращались в волостной суд для разрешения трудовых споров, конфликтов по разделу собственности, для защиты личного достоинства, что само по себе было значительным шагом вперед в понимании своей социальной роли.

Волостной суд обеспечивал скорость, дешевизну и, что очень важно, понятность судебных решений. Это было необходимо для разрешения мелких крестьянских дел. Крестьянин оказывался участником формализованного судебного процесса, что, конечно, повышало его статус и в сфере сельских взаимоотношений.

Постепенно, после отмены крепостного права и судебной реформы, стал набирать обороты процесс, развивающийся уже по своим правилам. Самодержавное государство, которое, скорее всего, не могло предусмотреть все аспекты долгосрочных последствий начатых реформ, поддерживало волостные суды и тем самым способствовало формированию правового сознания – привычке прибегать к правовой защите – среди крестьян, которые ранее были лишены такой возможности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2000. 332 с.
2. *Земцов, Л. И.* Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья) / Л. И. Земцов. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. Ун-та, 2002. 448 с.
3. *Лаптева, Л. Е.* Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века) / Л. Е. Лаптева. М. : Ин-т государства и права РАН, 1998. 151 с.
4. Очерки русской культуры XIX века. Т. 2: Власть и культура. М. : Изд-во Моск. унта, 2000. 480 с.
5. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Документы крестьянской реформы. М. : Юрид. лит., 1989. Т. 7. 431 с.
6. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Судебная реформа. М. : Юрид. лит., 1991. Т. 8. 496 с.
7. *Стефанович, К. К.* О сельском и волостном управлении в Западном крае / К. К. Стефанович. СПб. : Тип. Глазунова, 1895. 97 с.
8. *Фридман, М. Б.* Отмена крепостного права в Белоруссии / М. Б. Фридман. Минск : Изд-во Белгосуниверситета им. В. И. Ленина, 1958. 202 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 5 красавіка 2010 г.